

Петр ^{известия - 1999 -}
 18 сент. - с. 6

ТОДОРОВСКИЙ: Возраст режиссера вииден только на экране

Тодоровский-старший — из тех режиссеров, чьи фильмы публика обожает еще до выхода на экран. Нет нужды напоминать их названия: эти работы регулярно повторяют по ТВ, их рейтинг стабильно высок — любили и любят. Последнюю картину — «Ретро втроем» критика приняла в штыки, но даже и ее зрители приняли вполне доброжелательно. Однако теперь Петр Ефимович обижен на судьбу и находится в чувствах весьма расстроенных.

— Года полтора назад я начал писать сценарий с условным названием «Провокация» по книге Юлия Даниэля «Говорит Москва». Известная идея — по радио объявили «День открытых убийств» — в определенный день можно убивать всех, ну кроме детей, служителей порядка и так далее. В общем, фантастика. Однако после долгих раздумий отказался от идеи экранизации и просто написал новый сценарий — «Жизнь забавами полна». Его идея уместается в две строчки Булата Окуджавы — «Наша судьба то гульба, то пальба». И вот уже полтора года я обиваю пороги кабинетов, и все безрезультатно — денег не дают, спонсоры не находятся. Хотя сценарий напечатан в шестом номере альманаха «Киносценарии», председателю Комитета по кинематографии он понравился... Я пока не теряю надежды, даже дурачусь при встрече с банкирами или спонсорами: протягиваю руку и, как Паниковский, прошу — «Дай миллион». Давно перефразировал известную цитату: уж полночь близится, а спонсора все нет. Может быть, с нового года, когда будет сформирован новый бюджет, появятся какие-то деньги и мне тоже выделит некоторую сумму на мою работу. Конечно, весь фильм мне не профинансируют, но хотя бы большую часть... Председатель Комитета по кинематографии Голутва сказал: я получил триста миллионов рублей, все они пойдут на окончание фильмов, которые были запущены в 1995, 1996, 1997 годах. Плюс ВГИК, плюс ветераны, плюс молодым надо что-то выделить. Хотя картина у меня дешевая, я и гонорар себе возьму самый минимальный. Но сейчас все стоит дорого, да и актеры просят немало. И вот я уже два года сижу без работы. Тяжкое состояние. Я сел писать еще один сценарий, ишу себе хоть какое-то занятие. С Сереем Никитиным мы всю зиму просидели тут, у меня на даче, ловили кайф на гитарах, музицировали и в результате записали целый компакт-диск — вот так, в домашних условиях. Он, кстати, на удивление хорошо продается — летом, в «мертвый сезон», весь тираж (тысяча штук) разошелся на «ура».

Но все не то, не то. Это просто душевная беда. Я иногда заснуть не могу, смотрю в темноту и ма-

юсь. Ведь когда писался сценарий, я так замечательно чувствовал аромат каждой сцены, а сейчас все уходит. Я тоскую по съемкам, по запаху павильона, по площадке, по этому состоянию... Знаю, что многие режиссеры тоже не могут найти денег, иногда снимают картины годами, но для меня это невымыслимо! Если картина уже запущена, то я и остановку на два-три дня с трудом переживаю. А сейчас я хандрю, может, годы дадут о себе знать. Без съемок я просто заболываю. Только на площадке чувствую, что кому-то нужен, что живу по-настоящему. Картину «Какая чудная игра» мы вообще снимали по ночам — не было денег на декорации, невозможно было сымитировать ночь. С 12 ночи до восьми утра, каждый день, две недели подряд. А днем я вообще спать не могу, так что вообразите, какие нагрузки. Но — идут съемки! Какая там усталость.

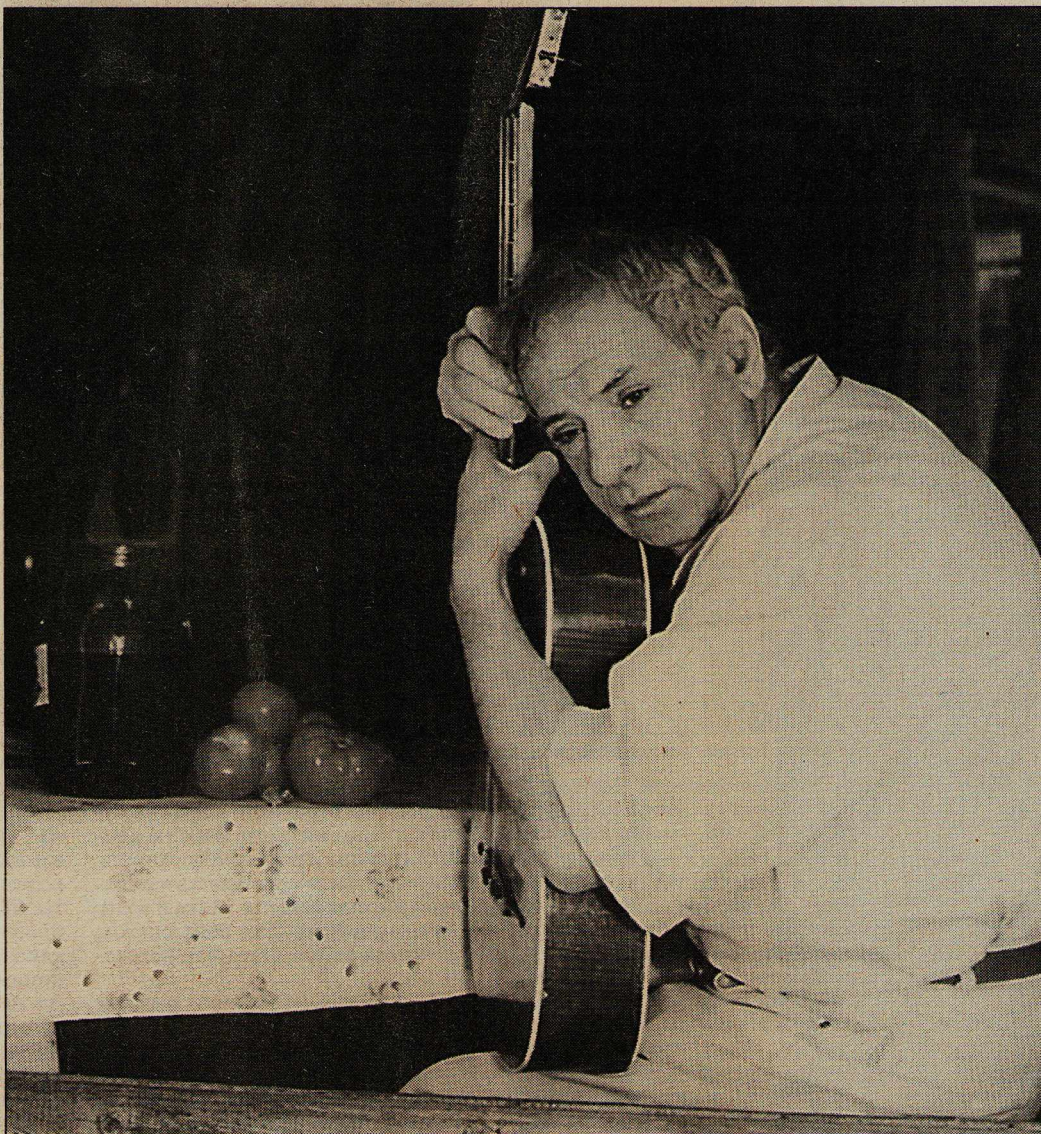
Видите ли, я уж не мальчик, мне ведь уже 74 года. Хотя стариком я себя не чувствую, и это, надеюсь, заметно по моим последним фильмам — возраст режиссера вииден только на экране.

Самая большая моя мечта — снять еще два фильма. Еще два — больше вряд ли получится. По крайней мере, еще один сценарий уже написан, о нем я, правда, пока стараюсь не думать — он очень сложен в производстве. Называется «В созвездии Быка». В 2002 году как раз исполнится шестьдесят лет битвы под Сталинградом. Там, правда, нет никакой битвы и никаких войск, это локальная история двух подростков, оказавшихся в экстремальной ситуации, о том, как важно в трудную минуту подставить плечо — может быть, даже недругу. Картина зимняя.

Вообще, если вы заметили, больше половины моих фильмов сняты зимой. Процентом семьдесят, наверное. Я люблю снимать зимой.

— Отчего же?

— Знаете, я как-то был в Марокко и там в одной из школ увидел огромный запыленный глобус. На нем по всей территории Советского Союза было написано коротко — «Сибирь». Никуда не денешься. Зимой чище пейзаж, снег покрывает все маразмы. И потом, актеры играют живее, органичнее. Не позволяют себе нежить. Я

ГЕОРГИЙ ВИКТОРОВ

всегда съемочной группе говорю: «Что вы жалуетесь? Два месяца на свежем воздухе! Не испортитесь».

— Однако ж вам, по сравнению с коллегами, последнее время велозло: снимали много и регулярно...

— Да, и мне очень за коллег обидно. Ведь у нас много замечательных режиссеров. Но Климов не снимает, Смирнов не снимает, Панфилов тоже много лет делает свою историю царской семьи. А это была золотая обойма! А кроме того, мне кажется, что многие режиссеры сейчас просто боятся снимать. Потерять наработанный имидж. Долго ишут сценарий, не решаются приступить к работе.

Это как на фронте: в первую атаку человек несет как теленок, ничего не понимая. А уж после ранения подняться из окопа бывает куда как тяжело. Так и здесь — дебюты часто бывают удачными, потом справедливо опасаются. Я же всегда снимал без огляд-

ки, поэтому у меня, конечно, есть фильмы, которые я считаю немножко «не моими».

— Какие же?

— Та же «Интердевочка». Мне тогда просто надоели мои постоянные герои — все эти лирические мальчики и девочки. Или, например, «Последняя жертва» — это была откровенно вынужденная работа. Хотя должен признаться, когда я перечитал все пьесы Островского, понял, почему он классик: ведь проблемы, которые он поднимал в своих пьесах еще сто лет назад — власть денег, сила любви, — живы и по сей день.

Но все-таки Островский — это немного не мой материал. Я всегда интересовался сегодняшним, а может, даже и завтрашним днем. И человеческими историями — тем, чего в современном кинематографе мне, честно говоря, недостает. Бывает, что и задумано плохо, и снято грамотно, но очень уж

это кино... рациональное, что ли. К разуму обращается, не к сердцу. И не цепляет поэтому. Хотя у молодых режиссеров — я имею в виду тех, кому сейчас тридцать — тридцать пять, — есть чему поучиться. Они по крайней мере всегда знают, чего хотят.

— Кажется, и «Сибирский цирюльник» вам не сильно понравился?

— Мне, как кондовому реалисту, более близки «Утомленные солнцем», «Урга», все его ранние работы. В «Цирюльнике» есть некоторые переделки, непроработанные моменты. Стержневая история любви не очень получилась. Я говорю о мастерстве, о материале, в данном случае неинтересны идеи, концепции, о которых было столько шума.

— А «Ворошиловский стрелок»?

— Это чуть ли не лучшая кар-

тина Говорухина, если говорить о том, как она сделана. Я же прекрасно знаю все его фильмы — и, кстати, как раз «Место встречи», который так часто показывают по телику, не очень люблю. Это, в конце концов, всего лишь детектив, добротное коммерческое кино. Но, продолжу, идеи «Стрелка», все эти призывы к толору меня очень тревожат. В Выборге на просмотре зал был набит битком, я видел, с каким напряжением смотрели его зрители. Ни один человек не вышел. После окончания Говорухина не отпускали со сцены, аплодировали. Мне как-то не по себе стало. Все это опасно.

— А как ваше поколение смотрит современные фильмы о войне — Спилберга, скажем, или Малика?

— «Тонкую красную линию» я, честно признаюсь, не видел, а «Спасение рядового Райана» смотрел. И мне не понравилось абсолютно. Сусальная, слезливая картина. Единственный отрадный момент — высадка десанта в первых минутах фильма, это действительно впечатляющие сцены. А дальше — чего там говорить. И дело даже не в том, что Спилберг из другого времени и пороха, что называется, не нюхал: Марлен Худиев тоже на войне не был, а снял же потрясающую работу о первых послевоенных днях — «Был месяц май». Как-то почувствовал, угадал настроение — и как точно угадал. Режиссура — это ведь не профессия, это интуиция. Если не понимаешь, не знаешь, что происходит с твоим героем в каждую минуту, то и актерам ничего объяснить не сумеешь. Даже и этого бывает недостаточно — мне, например, непременно нужно приехать на съемочную площадку пораньше и самому проиграть все мизансцены, до появления актеров. Чтобы обнаружить детали, крупность, кто как должен двигаться.

...А сейчас со мной беда. Постоянная депрессия, знаете. Меня куда-то гонит, вечный холодок под сердцем, я себя ненавижу. Бесцельно хожу по даче с молотком, забиваю какие-то дурацкие гвозди, пытаюсь читать, но ничего не лезет в голову. Перечитываю сценарий и все думаю: переписать или разорвать к черту. Сел даже писать новый — я когда-то придумал историю про голубей, которые живут в оперном театре, и назвал ее «На углу маленькой площади». Они целый день промышляют где-то, видят множество человеческих историй, а вечером возвращаются на свои карнизы и вместе с людьми слушают Вагнера, Чайковского, Бородина.

Алексей МУНИПОВ